

СТИЛІСТИКА І КУЛЬТУРА МОВИ. ЛІНГВОПРАГМАТИКА. ЛІНГВІСТИЧНИЙ АНАЛІЗ ТЕКСТУ

Бречак Е.О.

*Национальная Академия
изобразительного искусства и архитектуры*

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ И КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Статья посвящена сравнительной характеристике разговорного анализа и критического дискурс-анализа. Особое внимание уделяется специфике толкования этими направлениями таких методологически значимых категорий, как интеракция, контекст, структуры дискурса.

Ключевые слова: разговорный анализ, критический дискурс-анализ, интеракция, контекст, структуры дискурса.

Научная актуальность темы статьи определяется недостаточной изученностью в отечественном языкознании тех направлений зарубежных дискурсивных исследований, которые в значительной мере повлияли на становление методологии, принципов и методов современной дискурсологии.

Анализ современных лингвистических теорий с учетом достижений зарубежного дискурс-анализа представлен в работах А.П. Загнитко, Е.А. Селиваной, некоторых других украинских исследователей [1; 2; 3; 6]. Вместе с тем, критический дискурс-анализ и разговорный анализ остаются практически неисследованными направлениями в украинском языкознании, несмотря на несомненное значение этих школ для развития современной мировой лингвистической мысли.

Новизна статьи определяется тем, что указанные направления впервые исследуются в сравнительном аспекте, что позволяет выявить своеобразие вклада каждого из них в современную дискурсологию.

С учетом вышесказанного, целью статьи является сопоставительное изучение критического дискурс-анализа (КДА) и

конверсационного анализа (КА) как наиболее влиятельных зарубежных школ в современных дискурсивных исследованиях

На первый взгляд, отличия КА и КДА кажутся слишком очевидными, чтобы останавливаться на них как на отдельном предмете исследования. Так, КДА интересуют, прежде всего, содержательные структуры дискурса, смысловая интерпретация объекта посредством анализа социальных, политических, исторических и других данных о нем, то есть на основе привлечения широкого социокультурного и исторического контекста [7-11; 16; 17]. Согласно такому методологическому подходу, понимание значения лежит не в самом тексте, а является результатом сложной интеракции между авторской интенцией, интенцией реципиента, способностью автора к кодированию своей интенции и реципиента – к кодированию авторской интенции, совмещая с нею собственную.

Конверсационные аналитики [12; 13; 14], напротив, подчеркивают дистанцированность своей методологии и методов исследования от *смысловых* характеристик сообщения и мотивов коммуникантов. Их интересуют систематические характеристики разговора, виды упорядоченностей, правила сочетаемости и обусловленности реплик, базисный нормативный порядок коммуникации. КА считает, что структурные элементы говорят гораздо больше о наблюдаемом объекте, чем его смысловые интерпретации.

Вместе с тем, критический дискурс-анализ и конверсационный анализ обнаруживают ряд общих характеристик, которые касаются, прежде всего, общности терминологического и, частично, понятийного аппарата (как результата терминологической омонимии или полисемии), используемого представителями этих направлений. Так, центральными категориями анализируемых школ дискурсивного анализа являются понятия «социальный» (социальной ситуации / события, «социальной структуры»), контекста и интеракции. В частности, понятие «социальный» становится одним из ключевых при формулировании исследовательских задач критическим дискурс-анализом, который призван установить связи «между знаками, значениями и социальными и историческими условиями, которые задают семиотическую структуру дискурса» [9, с. 5], выявить «идеологические функции языка в производстве, воспроизводстве и изменении социальных структур, связей, субъектов» [10, с. 5].

Не менее активно понятие «социальный» в его различных

терминологических контекстах используется конверсационными аналитиками. Основным исследовательским ориентиром конверсационного анализа является определение *социального* смысла естественной речи и ее структурной упорядоченности. Порядок построения речевых действий является отражением *социальных* институтов, поэтому любые незначительные детали в разговоре важны как проявление свойств этих институтов.

Терминологическое сходство ключевых понятий не исключает существенных отличий между двумя направлениями в целях, методах и принципах исследования и объясняются полисемантической природой используемых ими терминов.

Так, для конверсационных аналитиков термин «социальный», скорее всего, ассоциируется со значением «интеракционный» (регулирующий отношения между людьми) и «социумный» (речь как социальный институт; собеседники как Члены одного языкового социума), в то время как для критических лингвистов наиболее близкими синонимами значения «социальный» служат понятия «политический» и «идеологический»: посредством анализа дискурса критические лингвисты исследуют, прежде всего, формирование, проявление и воспроизводство властных отношений в обществе.

Следующей кажущейся точкой соприкосновения является интерес КДА и КА к социальным *структурам* дискурса. Соответственно, одним из исследовательских ориентиров этих школ служит структурный анализ: изучение поверхностных и глубинных структур текста / разговора.

Так, в соответствии с центральным постулатом конверсационного анализа вербальное взаимодействие структурно организовано [13, с. 21-27]. КА изучает формальные свойства языка, рассматриваемого в его социальном использовании, *структуры*, упорядочивающие диалог, секвенции, адъацентные пары, особенности очередности и смены речевых ходов интерактантов и другие регулярности диалогов.

В отличие от КА, единицей структурного анализа для представителей «критической лингвистики» являются не столько минимальные фрагменты значения, выявляемые на уровне, например, фразы, сколько способы их объединения в более крупные смысловые единства, соответствующие таким многомерным структурам, как текст и дискурс. При этом обязательным компонентом исследований критического дискурс-анализа служит определение взаимосвязи и

обусловленности семиотических структур дискурса социальным, когнитивным, политическим, историческим и культурным контекстами, которые, в свою очередь, понимаются как когнитивные структуры, то есть не в терминах социальной ситуации, в которой имеет место дискурс, но как ментальная репрезентация этой ситуации, субъективный конструкт участников [9; 16; 17]. Другими словами, на текст или речь влияет не «сама по себе» социальная или политическая ситуация, но то, каким образом участники представляют, понимают или каким-либо иным образом конструируют ставшие релевантными для них свойства такой ситуации [3, с. 22].

Соответственно, основное отличие между двумя направлениями дискурсивных исследований заключается в том, что целью конврсационных аналитиков служит формальное описание «первичных данных», эмпирического материала, поведения в локальных интеракциях без привлечения объяснительных гипотез, в то время как для критических аналитиков структурное исследование текстов служит не более чем промежуточным этапом для выявления «текста в тексте», поиска имплицитных смыслов и когнитивных структур, выявляющих условия создания и толкования дискурсов. Обязательным этапом анализа поверхностных структур становится для КДА поиск мотивационной базы тех позиций, установок, целей и интересов различных групп в обществе, которые определяют формальные и содержательные характеристики дискурса. Так, согласно Т. ван Дейку, после завершения структурного анализа текста можно «приступить к установлению связей с контекстом», то есть к выявлению особенностей представления события в ментальной модели говорящего и воздействия его дискурса на социальные представления реципиентов [3, с. 59].

Не менее важным для разграничения задач и методов конврсационного анализа и критического анализа дискурса является понимание их представителями категорий интеракции и контекста. В частности, интеракция интерпретируется конврсационными аналитиками как система взаимодействия, которая реализуется последовательностью речевых ходов участников разговора. Границы речевого хода связаны с меной коммуникативных ролей, порядок очередности высказываний – с получением права говорить как следствию борьбы за влияние между интерактантами. Маркеры интеракции – сигналы членения, обратной связи, междометия.

Устанавливая очередность высказываний, участники демонстрируют свое понимание «состояния разговора» и того речевого вклада, который ожидается от каждого из них. Таким образом, интеракция изучается в разговорном анализе исключительно как категория локального уровня (локальная интеракция), которая описывается посредством понятий «очередность речевых ходов», «коммуникативная роль»; «статус», «права и обязанности сторон», «двойное авторство разговора (какой вопрос – такой ответ).

В противоположность такому микроподходу к интерпретации интерактивного взаимодействия коммуникантов, критический дискурс-анализ истолковывает интеракцию в связи с социальными и коммуникативными макрокатегориями дискурса. Так, на уровне глобальной интеракции реализуются макростратегии проблематизации (*problematization*), маргинализации (изоляции) и исключения Других, акты легитимизации себя, своей политики и законодательства. Различные дискурсивные образцы являются формами социальной и политической интеракции [11].

С категориями глобальной и локальной интеракции связаны особенности интерпретации критическим дискурс-анализом и разговорным анализом понятия *контекста*. В частности, в соответствии с одним из основных постулатов разговорного анализа, вклад, вносимый участниками в интеракцию, контекстуально ориентирован, то есть интеракция предполагает обязательный процесс индексирования высказывания к контексту. Каждая реплика сформирована контекстом и обновляет его. Разговорных аналитиков интересует, в первую очередь, *локальный* контекст разговора, под которым понимается совокупность высказываний, непосредственно предшествующая определенной реплике. Таким образом, интеракция является продуктом локального контекста разговора. Однако и контекст служит своего рода продуктом интеракции – следствием взаимной интерпретации собеседниками речевого (социального) поведения друг друга и конструирования «общего» смысла происходящего. С другой стороны, контекст рассматривается КА одновременно и как проект интеракции, поскольку порядок организации реплик в разговоре предсказуем общим (разделяемым) собеседниками знанием о правилах и способах формулирования вопросов и ответов, о нормах кооперации в диалоге.

Такое понимание контекста как дискурсивного параметра,

анализируемой на уровне, как правило, локальных интеракций, существенно отличается от определения контекста в КДА как категории макроуровня исследования дискурса. По мнению критических лингвистов, контекст включает в себя когнитивную, социальную, историческую, культурную и политическую составляющие коммуникативной ситуации, от которых производна концептуальная модель «текстуальных или конверсационных структур» [16]. Подобная трактовка близка нашему пониманию контекста как совокупности экстралингвистических обстоятельств, социокультурных и прагматических параметров текстообразования и текстовосприятия, которые обеспечивают возможность взаимосогласования позиций коммуникантов, осуществления дискурса и появления текста как знака.

Если для конверсационных аналитиков контекст может не выходить за рамки отдельного высказывания, то для критических лингвистов единицей анализа является контекст ситуации – глобальный контекст дискурса; контекст всего текста, поддерживающий или опровергающий исходную смысловую интерпретацию, а также совокупность дискурсов (текстов), связанных со смысловой интерпретацией определенных понятий, концептуальных метафор («справедливость», «порядок», «демократия» и др.).

Таким образом, *общее* между КДА и КА сводится, прежде всего, к терминологическому и, частично, понятийному аппарату, используемому представителями направлений. *Различными* являются цели, задачи, основные принципы и методы исследований. Методики конверсационного анализа используются критическими лингвистами при анализе прагматического уровня стратификации дискурса – в частности, для описания стратегических программ коммуникантов, выявления их речевых тактик и ходов, установления статусно-ролевой принадлежности участников дискурса.

Отличия исследовательских принципов КА и КДА проиллюстрируем на основе анализа их представителями вводного оборота *к сожалению*. Так, критического лингвиста Э. Лассана указанный оборот интересует, прежде всего, в качестве слова-ключа, «вскрывающего» «собственно когнитивные состояния субъектов дискурса, включающие как его рациональные знания, так и его подлинные предпочтения, намерения, «верования» [4, с. 2]. Анализ использования вводного слова *к сожалению* в речи российского

государственного деятеля («...Механический перенос модели демократического общества с Запада в Россию, к сожалению, не срабатывает») осуществляется посредством лингво-прагматической характеристики оборота как речевого акта – экспрессива, цель которого – «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей» [15, с. 59-82] и выявления искренности / неискренности говорящего на основе тщательного анализа всего контекста употребления им оборота. В частности, дальнейший анализ речи политика (о неприемлемости демократических стандартов в Карачаево-Черкесии) показывает, что тезис, содержащийся в первой фразе, требует сужения, так как «в тексте речь идёт не о всей России, а иллюстрация касается отдельного места, не являющегося к тому же прототипическим для концепта Россия». На основании такого наблюдения Э. Лассан делает вывод о том, что расширение тезиса в первой фразе является намеренным: умолчание вывода о том, что «в других частях России демократическая модель срабатывает», «может свидетельствовать о нежелании признать осуществимой ситуацию, сторонником которой говорящий, благодаря использованию оборота *к сожалению*, пытается себя представить». Тем самым, по мнению Э. Лассана, говорящим имплицитно выводится о неприемлемости демократической модели для России вообще.

К качественно иным выводам приходят на основе анализа оборота *к сожалению* конверсационные аналитики, описывающие экспертное интервью [4, с. 86-101]. Прежде всего, вводный оборот истолковывается авторами статьи не в прагматическом, а в словарном значении, которое накладывается на институциональные нормы проведения экспертного интервью, а именно: «к сожалению» в значении «как жаль, что не может припомнить» ничего, что соответствовало бы ожиданиям интервьюера. Таким образом, использование вводного оборота реализует, по мнению автора, стратегию «оправдания» и подстраивания речи под слушателя с целью «перейти в режим принятого в коммуникации отказа». Такая стратегия указывает, прежде всего, на пределы компетенции респондента и характеризует коммуникативные сбои в экспертном интервью.

В контексте всего интервью анализ оборота *к сожалению* и других средств приводит конверсационных аналитиков к выводу о неверно выбранных стратегиях интервьюера и о недостаточной

осведомленности респондента о правилах игры.

Представим, что текст экспертного интервью рассматривался бы не в соответствии с методами конверсационного анализа, а в ракурсе критической лингвистики. В таком случае исследователь, вероятнее всего, пришел бы к выводу о том, что респондент неискренен и пытается сознательно умолчать информацию об источниках социального напряжения. В качестве иллюстраций, поддерживающих такую интерпретацию, «критический лингвист» мог бы привести «отказные» ответы респондента: «вообще не могу припомнить», «ну я не знаю даже», уклончивые формулы «нет *скорее всего*», «*видимо*», многочисленные повторы одной и той же реплики «*что существенного*» (повторяется трижды) и «общие фразы» («его *чуткое руководство*»), дающие время на обдумывание коммуникативного хода,

Таким образом, для «критических лингвистов» оборот *к сожалению* – ключ к выявлению мотивов и намерений говорящих, имплицитного смысла текста, открывающий возможности для манипуляции сознанием аудитории. Для конверсационных аналитиков тот же самый оборот служит одним из формальных элементов структуры коммуникативного взаимодействия, подтверждением его упорядоченности. Оборот не может быть случайным, так как реализует определенный «порядок взаимодействия». Именно следуя логике такой структуры и необходимости соответствия ее элементов существующим «метакоммуникативным нормам», конверсационный аналитик рассматривает оборот *к сожалению* как одну из иллюстраций коммуникативного сбоя в ходе интервью, которая свидетельствует о стратегии оправдания и характеризует уровень компетентности респондента.

Литература:

1. Бацевич Ф. С. Основы комунікативної лінгвістики: Підручник. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.
2. Загнітко А.П. Сучасні лінгвістичні теорії: Монографія. – Вид. 2-ге випр. і доп. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 219 с.
3. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа: Практическое пособие. – Луцьк: Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
4. Э.Лассан. Лингвистика как ангажированное знание // — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/lassan-06.htm>

5. Rogozin D., Yashina A. *Анализ коммуникативных сбоев в экспертном интервью // Социальная реальность. — 2007. — № 5. — С. 86-101.*
6. Селіванова О.О. *Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник / О.О. Селіванова. — Полтава: Довкілля – К, 2008. — 712 с.*
7. Fairclough N. *Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak / T. A. van Dijk (Ed.) // Discourse as social interaction. — London: Sage. — 1997. — Vol.1. — P. 258–284.*
8. Fairclough N. *Textual analysis for social research / Norman Fairclough. — New York: Routledge, 2003. — 270 p.*
9. Fowler R. *Language in the news: discourse and ideology in the press / Roger Fowler. — London; New York: Routledge, 1991. — 254 p.*
10. Myers G. *Matters of opinion: talking about public issues / Greg Myers // Studies in interactional sociolinguistics. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — № 19. — 276 p.*
11. Rojo Martin L. «There was a problem, and it was solved!» *Legitimizing the expulsion of «illegal» immigrants in Spanish parliamentary discourse / Martin L. Rojo, T.A. van Dijk // Discourse and Society. — 1997. — № 8(4). — P. 523–567.*
12. Sacks H. *Lectures on Conversation / H. Sacks / ed. by G. Jefferson, E.A. Schegloff. — Oxford: Wiley–Blackwell, 1992. — Vol.1, 2. — 1520 p.*
13. Sacks H. *Notes on methodology // Structures of social action: Studies in conversation analysis / Ed. By M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 21-27.*
14. Schegloff E.A. *Turn organization: One intersection of grammar and interaction / Emanuel A. Schegloff / E. Ochs, E. A. Schegloff and S. Thompson (eds.) // Interaction and Grammar. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 52–133.*
15. Searle J.R. *Indirect speech acts / John R. Searle // Syntax and Semantics / Cole P., Morgan J. L. (eds.). — New York, San Francisco, London: Academic Press, 1975. — Vol. 3: Speech Acts. — P. 59–82.*
16. Van Dijk T.A. *Discourse and context. A sociocognitive approach / T.A. van Dijk. — New York: Cambridge University Press, 2008. — 267 p.*
17. Van Dijk T.A. *Critical Discourse Analysis / T.A. van Dijk. — Режим доступа: <http://www.discourses.org/OldArticles/Critica20discours20analysis.pdf>*

Бречак О.О. *Конверсаційний аналіз і критичний дискурс-аналіз: порівняльна характеристика.* Статтю присвячено порівняльній характеристиці конверсаційного аналізу і критичного дискурс-аналізу. Особлива увага приділяється специфіці тлумачення цими напрямками таких методологічно значущих категорій, як інтеракція, контекст, структури дискурса.

Ключові слова: конверсаційний аналіз, критичний дискурс-аналіз, інтеракція, контекст, структури дискурса.

Brechak H.O. *Conversational analysis and critical discourse-analysis: comparative characteristic.* The article deals with comparative characteristic of conversational analysis and critical discourse-analysis. Special attention is given to the peculiarities of interpretation by these scientific schools of such methodologically significant categories, as interaction, context, discursive structures.

Keywords: conversational analysis, critical discourse-analysis, interaction, context, discursive structures.

Величко Н.В.

**Філіал МГУ імени М.В. Ломоносова
в г. Севастополі**

ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРЕЙМА КЛИМАТ В ПИСЬМАХ А.П. ЧЕХОВА

В статті представлені результати лінгвокогнітивного і дискурсивного аналізу мовної реалізації фрейма КЛИМАТ в листах А.П. Чехова

Ключевые слова: лінгвокогнітивний і дискурсивний аналіз, фрейм.

Основной парадигмой современной лингвистики является антропоцентризм – переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект... В русле парадигмы разрабатываются новые понятия и категории [1, с. 8]. Начиная с семидесятых годов прошлого века, активно развивается когнитивная лингвистика, в рамках которой возникают новые подходы и методы исследования языка. В частности, в последнее время активно разрабатывается